

**Лампада и камень.
КНИГА ПЕРВАЯ.
Шесть миль до
рассвета**

Алексей Моргачев

Алексей Моргачев

**Лампада и камень. КНИГА
ПЕРВАЯ. Шесть миль до рассвета**

«Автор»

2026

Моргачев А.

Лампада и камень. КНИГА ПЕРВАЯ. Шесть миль до рассвета /
А. Моргачев — «Автор», 2026

Афины, 2026 год. Журналистка-расследователь София Лекка получает от умирающего священника старую папку с надписью «Тайна». В ней — пророчества афонского старца Паисия о войне, о падении Турции и о возвращении Константинополя грекам. И список трёх имён. Два уже перечёркнуты. Третье — генерал турецкой разведки Мехмет Шимшек — ещё жив. В ту же ночь священника убивают. София становится мишенью. Вместе с военным корреспондентом Антоном Ветровым она втягивается в смертельную игру, где на кону — судьба двух стран. За ней охотится «Оракул» — теневая организация, пытающаяся переписать пророчество. У неё есть ремень с выжженной датой и всего один год, чтобы предотвратить войну. Но что, если дата — ложная? И старца Паисия уже нет в живых, чтобы подтвердить правду... Основано на реальных пророчествах преподобного Паисия Святогорца.

© Моргачев А., 2026

© Автор, 2026

Алексей Моргачев

Лампада и камень. КНИГА

ПЕРВАЯ. Шесть миль до рассвета

Лампада и камень

КНИГА ПЕРВАЯ. Шесть миль до рассвета

ПРОЛОГ

Келья на краю мира
Афон, август 1988 года

Тени от лампы плясали на беленых стенах кельи, как языки пламени, запертые в каменном мешке. За окном — ни звука. Только ветер, родившийся где-то над фракийским морем, добирался до Святой Горы, терял силы в сосновых лесах и умирал у подножия скал, оставляя после себя лишь слабый вздох, похожий на человеческий.

Старец Паисий сидел на низкой скамье, привалившись спиной к стене. Он не спал — хотя казалось, что спит: глаза закрыты, голова опущена на грудь, губы шевелятся в беззвучной молитве. Но он не спал. Он ждал.

Владимирская икона Божией Матери — темная, с почти неразличимым ликом — висела в красном углу. Перед ней теплилась лампада, заправленная чистым оливковым маслом. Масло потрескивало, пламя то разгоралось, то угасало, и каждый раз, когда оно почти гасло, старец открывал глаза и поправлял фитиль длинной медной спицей. Он делал это машинально, не глядя, потому что делал так каждую ночь в Иверском скиту уже двадцать лет, после кончины старца Тихона.

Черная ряса из грубой шерсти, местами штопанная, заношенная, пахла ладаном и потом. Сегодня своим ногам он позволил отдохнуть — кожаные сандалии были надеты на босу ногу, несмотря на то, что августовские ночи на Афоне бывают холодными. Густая седая борода чуть замялась на груди геронда, а клобук слегка сбился со старческой головы. Лицо — морщинистое, с глубокими складками вокруг глаз и рта, как кора старого дуба. Но глаза — когда он их открывал — были живыми, молодыми, с тем особым блеском, который бывает у людей, видевших то, чего другие не увидят никогда.

Келья была маленькой — шагов пять в длину, три в ширину. Выбеленные известью стены, на них — несколько икон: Христос, Богородица, святой Георгий, святой Димитрий. В углу — железная кровать, застеленная серым одеялом. У стены — деревянный стол, тяжелый, из старого дуба, почерневший от времени. На столе — раскрытая книга («Добротолюбие» в кожаном потрепанном переплете), чернильница с гусиным пером, стопка чистых листов и несколько писем, еще не распечатанных. У окна — табурет, на котором никто никогда не сидел. Лампада, иконы, тишина...

Было около одиннадцати вечера. Лето выдалось жарким, и старец днем почти не выходил из кельи — только к вечерней службе да за водой к источнику. Сейчас он ждал. Он знал, что кто-то придет — помысел подсказал ему еще утром, когда он молился перед литургией. Кто-то важный. Кто-то, кто принесет с собой не покой, а тревогу.

И этот кто-то пришел.

Шаги за дверью прозвучали в десять минут двенадцатого. Тяжелые, уверенные — не монашеские. Два шага — пауза — еще два. Человек останавливался, как будто колебался, но потом снова шел. В дверь постучали — три коротких удара, деревянным, не рукой.

— Войдите, — сказал старец по-гречески. Голос его был тихим, но в тишине кельи прозвучал, как удар колокола.

Дверь открылась. На пороге стоял мужчина в штатском — темно-серый костюм, белая рубашка без галстука, черные ботинки, начищенные до зеркального блеска. Лет пятидесяти, высокий, поджарый, с короткой стрижкой, в которой уже пробивалась седина. Лицо — жесткое, с резкими чертами, глубокими морщинами у рта и прищуренными глазами, которые призывали смотреть на мир сквозь оптику прицела. Держался он прямо — военная выправка, которую не скрыть никаким пиджаком.

— Геронда? — спросил он по-гречески с легким акцентом — не иностранным, скорее, выдающим долгое пребывание за границей.

— Я — монах Паисий. Ты кто, сын мой?

Мужчина шагнул в келью, прикрыл за собой дверь. Остановился у порога, не решаясь сесть.

— Меня зовут Стефанос Пападопулос. Я полковник греческой военной разведки.

Старец не удивился. Он знал — еще до того, как этот человек открыл рот. Не потому, что читал мысли — потому что помысел уже несколько дней показывал ему лицо этого человека, искаженное страхом.

— Садись, Стефанос, — сказал Паисий, указывая на табурет у окна. — Ты пришел издалека. Не только дорогой — душой.

Полковник сел. Он сидел на краю табурета, держа спину прямой, руки положил на колени. На правой руке — старые шрамы, на левой — обручальное кольцо, которое он нервно крутил пальцами.

— Геронда, у меня нет времени на долгие разговоры. Я пришел спросить вас прямо. Вы знаете пророчества — о войне, о Константинополе, о Турции. Я хочу знать дату. Когда это случится?

— Зачем тебе дата? — спросил старец. Его глаза, выплывшие и слезящиеся, вдруг стали острыми, как у хищной птицы. — Чтобы подготовиться? Или чтобы убежать?

Полковник дернулся.

— Чтобы спасти людей. Я служу Греции. Если я буду знать, когда начнется война, я смогу вывести войска, эвакуировать мирных...

— Ты лжешь, — спокойно сказал Паисий. — Ты хочешь знать дату, чтобы продать ее. Своему начальству. Или туркам. Или тому, кто больше заплатит.

Пападопулос побледнел. Его лицо стало серым, как пепел.

— Вы не имеете права...

— Я имею право говорить правду, потому что я старик и мне нечего терять, кроме совести. А ты, полковник, ты потерял совесть давно. Когда согласился шпионить за своими же.

— Я не шпион!

— Ты был на встрече в Анкаре три месяца назад. Ты передал туркам имена трех греческих агентов в Стамбуле. Двоих из них расстреляли. Третьего пытаются до сих пор. — Паисий говорил тихо, почти шепотом, но каждое слово падало, как молот. — Ты думал, что никто не узнает? Ты думал, что Бог не видит?

Полковник вскочил. Табурет опрокинулся, ударился о стену. Он стоял, тяжело дыша, сжимая кулаки.

— Как вы... откуда...

— Неважно. Бог дает знания тем, кто Его любит и чья душа открыта для Него. И Он мне открывает то, что должно. В том числе и то, что ты пришел сюда не каяться. Ты пришел

выведать дату, чтобы продать ее туркам во второй раз. За большие деньги. Потому что первый раз тебе заплатили мало.

Пападопулос опустился на колени. Не от раскаяния — от усталости. Он смотрел в пол, и плечи его дрожали.

— Геронда, — сказал он хрипло, — я проиграл. У меня долги. Карты, женщины, ставки на скачках... Я должен людям, которые не прощают. Если я не отдам им деньги до конца года, они убьют меня. И мою семью.

— Ты должен был подумать об этом раньше.

— Я знаю. Но теперь поздно. Мне нужна дата. Любая дата. Я скажу туркам, что война начнется тогда-то, они подготовятся — и заплатят. А я скажу им, что дата — ложная. Они не смогут проверить. К тому времени я уже буду далеко.

Паисий молчал долго — так долго, что полковник поднял голову. Старец сидел неподвижно, глядя в лампаду. Пламя дрожало, отражаясь в его глазах.

— Ты не получишь дату, — сказал он наконец. — Я не скажу ее тебе. Но я скажу другое. Турки продвинулись на шесть миль. Не больше. И тогда на них придет бедствие с севера и Турция исчезнет с карты.

— Это я знаю. Это знают все. Мне нужна дата.

— Даты не будет. Но я скажу тебе вот что: когда воды Евфрата перекроют плотиной. Когда мечеть Омара рухнет. Когда священник с Севера прочтет молитву, которую нельзя читать до конца. Тогда — война.

Полковник замер.

— Какой священник? Где? Когда?

— Не спрашивай того, что тебе не нужно знать.

Пападопулос встал, прошелся по келье — три шага туда, три обратно.

— Вы не хотите мне помогать. Вы хотите, чтобы я умер.

— Я хочу, чтобы ты покался, — сказал Паисий. — Это единственное, что может тебя спасти. Не дата — покаяние.

— Слишком поздно.

— Никогда не поздно признаться в своих грехах — главное делать это свободно и от чистого сердца.

Старец поднялся. Он был маленьким, ссохшимся, но вдруг показался выше — будто тень его выросла, заполнив келью.

— Слушай меня, Стефанос. Ты умрешь через двадцать лет. Не от рук кредиторов — от яда, который тебе подсыпят те, кому ты служил. Ты умрешь в машине, на пустынном шоссе, и никого не будет рядом, чтобы перекрестить тебя. Но если ты покаешься сейчас — твоя душа будет спасена. Если нет — будешь мучиться, как тот, кого ты продал.

Полковник опустил голову.

— Я не могу, геронда. Я слишком глубоко увяз.

— Тогда уходи. И запомни: ты прочитаешь то, что лежит на столе. И это убьет тебя раньше, чем яд.

Пападопулос поднял глаза. На столе, рядом с книгой, лежала папка — тонкая, старая, перевязанная выцветшей красной лентой. Он не заметил, когда она появилась. Ее не было, когда он вошел.

— Что это? — спросил он, протягивая руку.

— Тайна, — ответил Паисий. — Та, которую ты искал. Но помни: тот, кто ее откроет, умрет.

Полковник взял папку. Лента рассыпалась у него в пальцах — материал истлел от времени. Он открыл ее.

Там были фотографии. Планы. Рукопись «Апокалипсис Арсения». И список — три имени.

Он читал долго — пятнадцать, двадцать минут. Паисий не мешал, стоял у окна, глядя в ночь. Звезды над Афоном были крупными, яркими, как лампы в небесной церкви.

Когда полковник поднял голову, лицо его было белым.

— Здесь все, — прошептал он. — Все пророчества. Все даты. Кроме одной.

— Которой нет, — сказал старец.

— Но третье имя — мое?

— Твое. И двух других, которые прочитают эту папку.

— Кто они?

— Увидишь.

Пападопулос закрыл папку, прижал к груди.

— Я возьму ее.

— Она уже твоя.

— Что я должен делать?

— Молись. Каждый день. Каждую ночь. Даже когда не веришь. Особенно когда не веришь.

Полковник кивнул, повернулся к двери. На пороге обернулся.

— Геронда, а вы? Вы будете молиться за меня?

Паисий улыбнулся — впервые за вечер.

— Я молюсь за всех. Даже за тех, кто продает Родину. Потому что и они — дети Божьи. Ошибшиеся, слепые, потерянные. Но дети.

Полковник вышел. Дверь закрылась.

Старец остался один. Он подошел к лампаде, подлил масла. Пламя вспыхнуло ярче, осветив иконы, стол, пустой табурет.

Он сел на скамью, закрыл глаза и начал молиться — за Стефаноса Пападопулоса, который только что нес в руках свою смерть. За тех, кто прочитает папку после него. За девочку, которая еще не родилась, но уже была в помысле — за нее, за ее страх и ее мужество.

Время текло медленно, как масло.

Лампада горела.

Звезды гасли.

Афон спал.

А в мире, далеко за морем, уже собирались тучи — те самые, которые через тридцать лет прольются кровью.

Но это будет потом.

А сейчас — тишина.

ГЛАВА 1

Та, которая ищет

Трасса Эгнатия-Одос тянулась через фракийскую равнину, как серая змея, уснувшая среди полей. Справа — бескрайние табачные плантации, уже убранные, голые, чернеющие под ноябрьским небом. Слева — горы Родопы, темные, зубчатые, с шапками облаков, зацепившихся за вершины. Ночь опускалась быстро — по-балкански, без сумерек: только что был серый, промозглый день, и вот уже тьма, густая, как меласса, вытеснившая все, кроме огней редких деревень.

София Лекка вела машину уже три часа. «Фиат» 2019 года, взятый напрокат в Салониках, чихал на подъемах, но шел. Лобовое стекло то и дело запотевало изнутри — сказывалась разница между холодным ноябрем и ее дыханием, учатившимся от напряжения. Она то и дело протирала стекло тыльной стороной ладони, оставляя мокрые разводы. Радио ловило только помехи — где-то далеко, на средних волнах, плакала византийская литургия, перемежаясь с греческими новостями, которые она не слушала.

Она устала. Не просто физически — та усталость, которая накапливается годами, когда ты расследуешь дела, в которых люди либо лгут, либо умирают, либо и то и другое. Софии было тридцать четыре, но выглядела она на все сорок: глубокие морщины у губ, тени под глазами, которые не скрывал никакой тональный крем, и взгляд — пронзительный, темный, умеющий видеть то, что другие прячут. Довольно высокая для гречанки, стройная, но с налетом той усталой худобы, когда человек забывает поесть. Черные волосы, густые, некрашенные, собранные в низкий хвост, из которого вечно выбиваются непослушные пряди. София всегда любила удобную одежду, почти мужскую: темные джинсы, свитер крупной вязки, куртка-бомбер с множеством карманов, где лежали диктофон, запасные батарейки, маленький фонарик и пачка крепких сигарет, которые она курила, только когда нервничала.

Сейчас она нервничала.

Интервью с отцом Афанасием было назначено на девять вечера. Место — маленький монастырь святого Георгия Победоносца в двадцати километрах от Комотины. Священник, как он сказал по телефону голосом, скрипучим, как несмазанная дверь, «обладает сведениями, которые нельзя доверять бумаге». София слышала это уже раз сто от разных информаторов. Девяносто девять раз из ста это оказывались байки, выдумки или откровенные галлюцинации. Но сотый... сотый менял жизнь. Или заканчивал ее.

Она думала о своем редакторе, Петре Николаидисе, который вручил ей это задание три месяца назад. «София, — сказал он, глядя поверх очков с толстыми линзами, — у нас есть читатели, которые верят в пророчества. А есть читатели, которые хотят разоблачать пророчества. Те и другие платят деньги. Сделай материал, который устроит всех».

Она сделала. Объехала пол-Греции, поговорила с двумя десятками монахов, тремя епископами и одним бывшим полковником разведки, который наотрез отказался говорить на диктофон. Все они цитировали старца Паисия — афонского подвижника, умершего в 1994 году, но оставившего после себя сотни предсказаний. О войне. О падении Турции. О возвращении Константинополя.

Большинство журналистов отнеслись бы к этому с иронией. София относилась с профессиональным любопытством. Но чем глубже она копалась, тем меньше оставалось иронии. Слишком много совпадений. Слишком много странных смертей. И слишком много людей, которые начинали говорить — и замолкали навсегда.

Отец Афанасий, например, трижды переносил встречу. Сначала — «прихворнул». Потом — «уехал в Салоники». Потом — «забыл, что обещал». Но когда София уже собиралась плюнуть и вернуться в Афины, он вдруг позвонил сам — в два часа ночи, голосом, полным страха: «Приезжайте. Скорее. Я должен передать это, пока не поздно».

И вот она здесь.

Фары выхватили из темноты деревянный крест на обочине — низкий, покосившийся, с иконкой Божией Матери в пластиковом футляре. За крестом начиналась грунтовая дорога, уходящая вверх, в холмы. София свернула. Машину затрясло — колеса заскользили по грязи, оставшейся после вчерашнего дождя.

Монастырь показался неожиданно: стена из серого камня, ворота с кованой решеткой, над ними — колокол, черный, с отбитым краем. Ни огня. Ни души. Только ветер шуршал сухими листьями, нанесенными к стене.

София заглушила двигатель, посидела минуту, собираясь с мыслями. Потом вышла. Воздух был холодным, прозрачным, пахло прелыми листьями и ладаном — откуда здесь ладан? Может, изнутри, через закрытые окна.

Она подошла к воротам, потянула за железное кольцо. Внутри загремел засов.

— Кто там? — голос из темноты, старческий, дрожащий.

— София Лекка, «Элефтеротипия». Мы договорились.

Пауза. Потом звук отодвигаемого металла. Ворота приоткрылись ровно настолько, чтобы пропустить человека. София протиснулась внутрь.

Во дворе было темно, только в одном окне, на втором этаже, горел слабый свет — лампада, не электричество. Стены двора были сложены из рваного камня, кое-где заросшего мхом. Посередине — колодец с журавлем, наклонившимся, как старик на молитве. В углу — куча дров, аккуратно сложенная, и топор, воткнутый в чурбак.

— Сюда, — сказал священник, поворачиваясь спиной.

Отец Афанасий оказался маленьким, ссохшимся, с редкой седой бородой, которая росла клоками, как лишайник на старой стене. Одет в подрясник из черной шерсти, многократно штопанный. На ногах — стоптанные кожаные тапочки. Но глаза — живые, темные, с тем странным блеском, который бывает у людей, слишком долго проживших в одиночестве.

Он провел Софию в келью — небольшую комнату на первом этаже, где пахло воском, старым деревом и чем-то сладковатым, похожим на высушенные травы. Стены были сплошь завешаны иконами — черные от времени доски, с едва различимыми ликами. В красном углу — лампада перед Владимирской Божией Матерью, масло в ней горело ровно, без копоти. Стол — тяжелый деревянный, с выдвижными ящиками. На столе — стопа бумаги, чернильница с гусиным пером (для чего в двадцать первом веке перо? — подумала София) и потертая Библия.

Отец Афанасий жестом пригласил ее сесть на табурет напротив. Сам опустился на низкую скамью у стены, сложил руки на коленях. Несколько секунд молчал, разглядывая ее лицо.

— Вы похожи на мою племянницу, — сказал он наконец. — Та тоже все время куда-то спешила. Умерла в тридцать два. Рак.

София промолчала. Она привыкла к таким разговорам — люди, особенно старые, особенно религиозные, часто начинали с чужих смертей, чтобы подготовить себя к собственным.

— Отец Афанасий, вы сказали, у вас есть информация о пророчествах старца Паисия, которой нет ни у кого. Я слушаю.

Он кивнул, помолчал еще немного, потом заговорил — медленно, с длинными паузами, будто выковывывал каждое слово на наковальне памяти.

— Я был послушником в келье старца в восемьдесят восьмом году. Приходил туда на лето — помогать, учиться. Старец тогда уже болел, ходил с трудом, но дух был крепкий. К нему приезжали люди со всего мира. Политики, военные, простые крестьяне. Он никому не отказывал. Но были... особенные визиты. Те, о которых он запрещал говорить.

Отец Афанасий перевел дух. София незаметно включила диктофон, спрятанный в кармане куртки.

— Один такой визит был в августе, — продолжил священник. — Приехал мужчина в штатском, но я сразу понял — военный. Выправка, взгляд... Он не назвал имени, но старец знал его. Я этого человека встретил на улице, когда незадолго до его появления геронда попросил меня выйти. Они беседовали в кельи. Я сидел на пенечке и слышал только обрывки фраз. Голос полковника — возбужденный, срывающийся. Голос старца — спокойный, ровный, как у человека, который видит то, что случится через сто лет.

— Полковника? — переспросила София. — Вы знаете его имя?

— Потом узнал. Стефанос Пападопулос. Служил в военной разведке. Но в тот день он был просто перепуганным человеком, который узнал слишком много.

— Что именно он узнал?

Отец Афанасий поднял на нее глаза. В их глубине, за пеленой старости, плескалось что-то, похожее на страх.

— Он узнал дату. Когда начнется война, которая сотрет Турцию с лица земли. Старец сказал ему эту дату, когда они остались вдвоем. Я слышал только последние слова: «Турки продвинулись на шесть миль. Не больше. И тогда на них придет бедствие с севера».

София почувствовала, как по спине пробежал холод, не имеющий отношения к ноябрьскому ветру.

— Шесть миль, — повторила она. — Пророчество о шести милях. Я читала об этом. Многие православные сайты цитируют.

— Да, но никто не знает даты. Полковник узнал. И это его убило.

— Он умер?

— Через двадцать лет. Сердечный приступ за рулем. Но перед смертью он передал кое-что епископу Афинагору. А епископ — мне. Я не хотел брать. Но он сказал: «Когда придет журналистка с глазами, которые видели слишком много, отдай ей».

София нахмурилась.

— Епископ знал, что я приду?

— Епископ умер четыре года назад. Но он знал, что придет кто-то. Потому что так сказано в бумагах, которые он хранил.

Отец Афанасий с трудом поднялся, подошел к шкафу — высокому, почерневшему от времени, с резными дверцами. Отпер висячий замок ключом, висевшим на гвозде у него на груди, под подрясником. Достал с верхней полки сверток — перевязанный выцветшей лентой, когда-то красной, а теперь розовато-серой. Протянул Софии.

— Возьмите. Я слишком стар для таких тайн. Мне осталось только молиться.

София взяла сверток. Она осторожно развернула плотную бумагу, которая оказалась старой папкой из прессованного картона. На обложке — ни названия, ни даты. Только одно слово, выведенное аккуратной каллиграфией, какой сейчас уже не пишут: «Μυστήριον» — «Тайна».

Она открыла папку.

Внутри — стопка пожелтевших фотографий, листы с рукописным текстом на греческом, турецком, русском, сложенные военные карты с нарисованными стрелами, и один отдельный лист, переложженный калькой. На том листе — список:

«Οι τρεις που διάβασαν την Αποκάλυψη του Αρσενίου» — «Трое, кто читал Апокалипсис Арсения».

И три имени.

Первое — перечеркнуто красным: «Στέφανος Παλαδόπουλος, 11.09.2008».

Второе — перечеркнуто красным: «Δημήτρης Αγγελόπουλος, 17.02.2015».

Третье — нетронутое: «Μεχμέτ Σιμοέκ, Στρατηγός, Άγκυρα».

Под списком — приписка, сделанная той же рукой, но с большим нажимом, почти продавившим бумагу:

«Кто следующий?»

София подняла глаза. Сердце билось где-то у горла.

— Что это, отец Афанасий?

Священник не успел ответить.

В тишине ночи раздался звук — металлический, резкий. Кто-то отодвигал засов на воротах. Отец Афанасий побледнел.

— Я никого не ждал, — прошептал он.

София вскочила, сунула папку в рюкзак. Второй звук — шаги по гравии. Тяжелые, уверенные. Не один человек — двое, нет, трое.

— Спрячьтесь! — крикнула она священнику, но тот стоял, как вкопанный, крестясь мелко и часто.

Дверь кельи распахнулась с такой силой, что ударилась о стену.

На пороге стояли трое. Черные униформы без опознавательных знаков. Балаклавы. И автоматы с глушителями — София узнала модели, длинные, с тактическими цевьями, какие используют спецподразделения.

— Папку, — сказал тот, что стоял впереди, по-гречески с легким акцентом. — Быстро. Отец Афанасий шагнул вперед, закрывая собой Софию.

— Не давайте, — сказал он. — Именем Господа нашего...

Три выстрела. Почти бесшумных — только цок-цок-цок, как пробки из бутылок.

Священник рухнул на пол, не договорив. Кровь хлынула из груди, заливая подрясник, растекаясь по каменным плитам черным пятном, которое в свете лампы казалось маслянистым, живым.

София не закричала. Не застыла. Она действовала на рефлексах, выработанных годами работы в горячих точках — не в Греции, конечно, но в Сирии, в Ливане, на границе с Ираком, куда ее посылали на спецзадания. Рюкзак — на плечо. Кувырок в сторону — к окну, которое она заметила еще при входе, маленькое, квадратное, выходящее во двор.

Окно не открывалось, но стекло было старым, тонким, с пузырями. София ударила в него ногой, обмотав руку курткой. Стекло разлетелось. Она перевалилась через подоконник, упала на землю, больно ударившись плечом. За спиной — крики на турецком. Снова выстрелы — пули пробили стену над ее головой, выбивая куски штукатурки.

Она побежала.

ГЛАВА 2

Корни оливы

(предыстория Софии Лекка)

1989–2015 годы. Салоники — Афины — Ближний Восток

София родилась в Салониках, в старом районе Ано-Поли — Верхнем городе, где улицы настолько узки, что две машины не разъедутся, а дома лепятся к склонам, как ласточкины гнезда. Там, среди византийских стен, петушиных криков и запаха жасмина, прошло ее раннее детство.

Дом ее бабушки Елены стоял на улице Святого Димитрия, в тени платана, которому, говорили, не меньше трехсот лет. Стены дома помнили турок, помнили великий пожар 1917 года, помнили бомбежки 1941-го. На первом этаже была мастерская — бабушка Елена писала иконы. Сосновые доски, левкас, сусальное золото, яичная темпера в глиняных горшках. Запах льняного масла и скипидара был для маленькой Софии запахом дома.

Елене было за семьдесят, когда родилась внучка. Она вышла из семьи иконописцев, которые передавали ремесло от отца к сыну пять поколений. «А мне Бог дал только дочерей, — говорила она, — и теперь я научу тебя, София, потому что искусство не должно умирать». Девочка рано научилась держать кисть, смешивать краски, наносить тончайшие слои левкаса. Но больше всего ей нравилось слушать бабушкины рассказы.

Их бабушка вела по вечерам, когда мастерская затихала и только лампада мерцала перед иконой Божией Матери. София сидела на табурете у ног старухи, положив голову ей на колени, и слушала.

— Когда турки взяли Константинополь, в 1453 году, моя прапрапрабабка бежала оттуда с иконой Спасителя в руках. Она шла пешком до Салоник, три недели, и все время ей снился

один и тот же сон: белокурый народ с севера войдет в Город и вернет его нам. Не силой — чудом. И тогда мы снова будем петь в Святой Софии.

— А когда это будет? — спрашивала София.

— Не скоро. Может, при твоей жизни. Может, при жизни твоих детей. Но будет. Старец Паисий, которого я знала лично, говорил, что пророчество сбудется, когда в Греции перестанут бояться турок и начнут бояться Бога. А пока боятся, ничего не изменится.

София не понимала тогда, что такое бояться Бога. Она боялась только одного — темноты в подвале, где у бабушки хранились запасные доски и старые, потускневшие иконы. Но она запоминала слова. Они впитывались в нее, как льняное масло в древесину.

Отец Софии, Андреас Леккас, был военным летчиком. Он летал на «Фантомах», потом на «Миражах». Высокий, светловолосый, с вечно загорелым лицом и смехом, который разносился по всему дому, когда он приезжал в увольнение. Мать, Ирина, была медсестрой — тихая, печальная женщина, которая любила мужа больше жизни и боялась за него каждую секунду.

Софии было шесть лет, когда «Фантом» отца упал в Эгейское море.

Они узнали об этом по телевизору. Мать сжимала пульт так, что побелели костяшки пальцев. Диктор говорил спокойным голосом, что «военный самолет потерпел крушение, пилот не катапультировался, поиски продолжаются». Потом показали карту — маленький крестик где-то между Лемносом и Лесбосом.

Мать не плакала. Она сидела на диване, глядя в пустоту, и только губы ее шевелились — может, молилась, может, просто повторяла имя мужа. Бабушка Елена увела Софию в мастерскую, усадила перед иконой Николая Чудотворца и сказала: «Молись. Молись, чтобы он попал в рай». Но София не умела молиться по-настоящему. Она смотрела на темный лик святого и думала об одном: зачем Бог забрал у нее отца, если он был такой добрый и веселый?

Тело Андреаса нашли через три дня — у турецкого берега. Причина катастрофы так и осталась неизвестной: техническая неисправность, ошибка пилота, турецкая ракета — военные хранили молчание. Мать Ирина после похорон замкнулась, почти перестала говорить. А через два года она уехала в Америку — вышла замуж за греческого эмигранта, владельца ресторана в Чикаго. Софию звали с собой, но она отказалась. Она осталась в Салониках, с бабушкой.

— Почему ты не хочешь ехать? — спросила мать в последний раз, стоя с чемоданом в прихожей.

— Потому что здесь я чувствую отца, — ответила София. Ей было восемь лет, но в ее голосе звучала взрослая уверенность. — Там его не будет.

Мать заплакала, обняла дочь и уехала. Они виделись потом трижды — на свадьбе Софии (которая оказалась неудачной и просуществовала всего два года), при рождении внука (который не выжил) и на похоронах бабушки Елены. Каждый раз — коротко, чужеродно, как будто они были не матерью и дочерью, а дальними родственницами, которых свела случайность.

Бабушка умерла, когда Софии было двадцать два. Она только закончила университет Аристотеля в Салониках по специальности «журналистика». Писала диплом о роли прессы в военных конфликтах — тема, выбранная не случайно, после того, как она два месяца стажировалась в Косово. Бабушка умерла во сне, с четками в руках. Когда София вошла в ее комнату, тело уже остыло, но лицо было спокойным, почти счастливым — как у человека, который наконец-то увидел то, чего ждал всю жизнь.

В мастерской Елены остались десятки икон — ненаписанных, только загрунтованных, с намеченными контурами. София не стала их продавать. Она запаковала доски в ящики, поставила в угол своей первой квартиры в Афинах и поклялась, что когда-нибудь научится их заканчивать. Но годы шли, кисть так и не ложилась в руку. Она стала журналистом, а не иконописцем. Но бабушкины рассказы о пророчествах остались в ней — глубоко, как левкас на доске.

Первая командировка в горячую точку — 2013 год, Ливан. София работала внештатным корреспондентом для небольшого агентства, которое освещало события гражданской войны в Сирии.

Шла осада Алеппо. Декабрь 2014-го. София приехала туда с оператором Янисом, молодым парнем с Крита, который умел снимать так, что каждый кадр просился на первую полосу. Они жили в подвале гостиницы, где не было отопления, спали на матрасах, брошенных прямо на бетонный пол. По ночам — обстрелы. Днем — голодные очереди за хлебом. Янис снимал женщин с пустыми ведрами у пересохшего фонтана. Детей, играющих в футбол битой банкой. Стариков, читающих Коран в подвалах.

— София, — сказал Янис однажды, — ты не боишься?

— Боюсь, — ответила она. — Но мы здесь, чтобы говорить правду. Кто-то должен.

Он кивнул, поднял камеру и продолжил снимать.

Через две недели они выехали на окраину, в пригород, где шли бои. Автомобиль — старый «Тойота Ленд Крузер» без брони. Янис снимал через люк, София вела машину. Они свернули за угол — и попали под обстрел.

Два взрыва. Потом — пулеметная очередь. София успела пригнуться, но Янис стоял в люке. Пуля попала ему в шею. Он упал на заднее сиденье, хрипя, пытаясь зажать рану ладонью. Кровь залила камеру — ту самую, на которой были последние кадры.

София вывезла машину из-под огня. Она не помнит как — память просто стерла эту часть. Помнит только, как потом сидела на обочине, держа голову Яниса на коленях, и смотрела, как жизнь вытекает из него вместе кровью, а он все шептал: «Мама, мама...».

Он умер через двадцать минут.

София вернулась в Афины и не выходила из квартиры три месяца. Она не отвечала на звонки, не читала письма, не включала телевизор. Просто лежала на диване, глядя в потолок, и прокручивала в голове один и тот же кадр: выстрел, падение, кровь на камере.

Вытащил ее Антон Ветров — друг и талантливый коллега по цеху. Он прилетел из Москвы. Увидел ее, худую, неухоженную, с пустыми глазами, и сел рядом на пол. Не сказал ни слова. Просто взял ее за руку и сидел так час, два, три...

Потом тихо спросил: «Ты помнишь, что говорила та старуха в Алеппо? «Когда-нибудь твои дети узнают мир. Молись, чтобы это случилось при их жизни».

София кивнула.

— Если ты сдашься сейчас, — продолжил Ветров, — ее молитва не будет услышана. Ты должна жить. Не для себя — для всех, кто уже не может.

Она не ответила. Но утром она приняла душ, привела себя в порядок, оделась и вышла на улицу. Солнце светило. Афины жили своей жизнью. Она купила кофе, села на скамейку у Акрополя и впервые за три месяца улыбнулась.

— Ты прав, — сказала она Ветрову по телефону. — Буду жить.

С тех пор они стали не просто коллегами, а чем-то большим. София никогда не называла это любовью — слишком больно было доверять кому-то после стольких смертей. Но Ветров был рядом всегда, как ангел, который приглядывает за своими чадами. И когда она поехала в Комотины к отцу Афанасию, он ждал ее звонка.

Он всегда ждал.

ГЛАВА 3

Кровь на камнях

София бежала не разбирая дороги. Священный лес Афона мелькал черными стволами, луна пряталась за тучами. Дважды она падала, разбивая колени о камни. Папка была прижата к животу — она чувствовала ее тепло сквозь куртку.

Кто стрелял? Почему? И что за «Апокалипсис Арсения»?

Машина была припаркована в полумиле от монастыря, на лесной дороге. София добежала до нее, дрожащими руками открыла дверь, завела двигатель. Пальцы скользили по рулю.

Первый звонок — Петру Николаидису, ее редактору. Трубку не взяли — два часа ночи. Второй — в полицию. Она назвала место, крикнула, что убит священник, и бросила трубку, не дожидаясь ответа.

Третий звонок — Ветрову.

— Антон, слушай. Я нашла папку. Священника убили на моих глазах.

— Ты где? — его голос резкий, без сна.

— Выезжаю в Афины. Я в порядке. Но папка... здесь такое, что тебе нужно увидеть.

— Жду.

София гнала машину по ночным серпантинам, в сторону Салоник. Папка лежала на соседнем сиденье. Она чувствовала ее присутствие, как будто та излучала опасность. Останавливаться было нельзя. Она вспомнила красную точку на груди отца Афанасия — и ее собственная грудь заныла от фантомной боли.

Четыре часа спустя она была в Афинах. Квартира на окраине Экзархии, которую она снимала, пахла кофе и типографской краской. София заперла дверь на все замки, задвинула шкаф к входной двери и только тогда выдохнула.

Папка лежала на кухонном столе.

Она открыла ее снова, теперь не торопясь. Выложила содержимое: двадцать три фотографии, рукопись «Апокалипсис Арсения», военные карты, список трех имен.

Фотографии она рассмотрела при яркой лампе. Вот старец Паисий — на всех снимках один и тот же, живой, с пронзительным взглядом. Вот полковник Пападопулос — резкое лицо, мешки под глазами, белые пальцы, сжимающие папку. Вот еще один мужчина, подпись: «Димитрис Ангелопулос, Афины, 2014». Снимок сделан в кафе, Ангелопулос улыбается в объектив, но улыбка не доходит до глаз — в них та же пустота, что и у Пападопулоса. И наконец, третья фотография: групповой снимок в анкарском офисе, люди в костюмах, и в центре — сам генерал Мехмет Шимшек, глава «Оракула». Коренастый, с хищным лицом, волевым подбородком и глазами, которые смотрели прямо в камеру с вызовом.

— Шимшек, — прошептала София.

Она взялась за рукопись. «Апокалипсис Арсения» — сто десять страниц, исписанных убористым почерком, диалоги вопрос-ответ. Она начала читать.

«Арсений: Геронда, говорят, что турки готовят вторжение. Что вы об этом думаете?»

Паисий: Они думают, что возьмут шесть миль. Им покажется, что они победили. Но через три дня с Севера на них придет великое бедствие. Русские придут, но не те русские, которых мы знаем. Другие русские — из-за Урала, из Сибири. Они пройдут через Кавказ и займут Анкару за две недели.

Арсений: И что тогда с турками?

Паисий: Третий погибнет от меча. Третий обратится в христианство и примет крещение от греческих священников. Третий уйдет в Месопотамию, за Тигр и Евфрат. Турция исчезнет с карты. Ее разделят на три-четыре части. Греки получают Константинополь и побережье. Армяне и курды — восток. Русские — центр с Анкарой.

Арсений: А Константинополь?

Паисий: Его отдадут грекам. Но не греки его возьмут — им подарят. Белокурый народ, с севера, не русские. Может, англичане, может, немцы. Они захотят наказать турок и отдадут Город. А потом пожалеют, но будет поздно.»

София отложила рукопись, взяла список трех имен. Пападопулос — умер в 2008-м, Ангелопулос — в 2015-м, Шимшек — жив. Все трое читали «Апокалипсис». Значит, и она теперь в списке. Четвертая.

Она взяла телефон. Набрала Ветрова.

— Антон, ты знаешь что-нибудь о частной военной компании «Оракул» из Анкары?

Долгая пауза.

— Откуда ты о них слышала? — голос Ветрова изменился, стал тише, острее.

— У меня есть документы. Священника, который их хранил, убили у меня на глазах. Мне угрожают.

— Черт, София... «Оракул» — это серьезно. Это структура, связанная с верхушкой турецкой разведки. У них есть свои люди в Греции, на Кипре, в Болгарии. Они занимаются управлением реальностью — создают события, которые потом выдают за пророчества.

— Зачем?

— Затем, что кто-то наверху верит в эти пророчества. Буквально. Как в священное писание. И пытается их исполнить — или предотвратить. В «Оракуле» есть свой аналитик, бывший монах, который расшифровал предсказания Паисия и других старцев. Они работают на опережение.

— А генерал Мехмет Шимшек?

— Глава «Оракула». Бывший военный разведчик. О нем мало что известно, но говорят, он одержим пророчеством о падении Турции. Хочет его предотвратить любой ценой — даже если для этого придется спровоцировать войну самому.

— Спасибо, Антон. Мне нужно подумать.

— София, будь осторожна. У этих ребят длинные руки. Очень длинные. И если они уже знают, что ты взяла папку... тебе нужно уехать из Греции. Хотя бы на время. Прилетай в Стамбул. У меня есть знакомый в турецкой контрразведке, ему можно верить. Его зовут Мурат.

— Хорошо. Я подумаю.

Она отключилась. Посмотрела в окно — на Акрополь, который уже розовел в лучах рассвета. Решение пришло само собой: она должна ехать. Не потому, что боится — потому что папка слишком важна, чтобы оставаться в Афинах.

Через час она уже собирала рюкзак. Паспорт, деньги, диктофон, сменная одежда, папка — все вложила так, чтобы достать за секунду.

В восемь утра она была в аэропорту.

Рейс до Стамбула — через два часа.

Она купила кофе, села у выхода и закрыла глаза.

Перед глазами стояло лицо отца Афанасия в последний миг — растерянное, испуганное и вдруг просветлевшее, словно он увидел что-то, чего она не могла видеть. Может быть, ангелов. Может быть, самого старца Паисия. Кто знает.

Она не была верующей. Но в ту ночь она перекрестилась — впервые за много лет. Неосознанно. Просто так.

ГЛАВА 4

Человек из Москвы

(предыстория Антона Ветрова)

1986–2016 годы. Москва — Чечня — Сирия

Антон Ветров родился в Москве в семье дипломата. Отец, Евгений Ветров, работал в Министерстве иностранных дел, ездил в командировки на Ближний Восток и в Юго-Восточную Азию. Мать, Алла Викторовна, преподавала английский язык на филологическом факультете МГУ. Квартира на Кутузовском проспекте, шестой этаж, с видом на Москву-реку — просторная, светлая, с высокими потолками и запахом старых книг. В гостиной стоял большой глобус, подаренный отцу к пятидесятилетию, и Антон часами крутил его, водя пальцем по странам, в которых ему предстояло побывать.

Он рос обычным московским мальчиком: ходил в школу с математическим уклоном, играл в футбол во дворе, читал приключенческие романы. От отца ему передавалась любовь к картам и географии, от матери — к языкам. К четырнадцати годам он неплохо говорил по-английски, а к семнадцати — выучил основы арабского, потому что собирался поступать на международную журналистику.

— Почему журналистика? — спросил отец, когда Антон объявил о своем решении. — У нас семейная традиция — дипломатия.

— Потому что я хочу писать правду, — ответил Антон. — Без оговорок, без протокольных фраз. Дипломаты говорят то, что нужно. Журналисты — то, что есть.

Отец усмехнулся, похлопал сына по плечу и не стал отговаривать. Он знал: упрямство у Антона в крови.

После школы — факультет журналистики МГУ. Лекции, семинары, первая стажировка в «Российской газете». Антон писал о городских проблемах — о разбитых дорогах, о задержках зарплат, о плохой работе ЖКХ. Его заметки были сухими, фактологическими, без лишних эмоций. Редактор, пожилой ветеран газетного дела, однажды сказал ему: «У тебя, Ветров, талант к расследованиям. Ты копаешь глубоко, но пишешь скучно. Научись рассказывать истории — и цены тебе не будет». Антон запомнил этот совет.

Первая командировка в горячую точку случилась в 1999 году. Чечня. Антону было двадцать три, он работал специальным корреспондентом небольшого информационного агентства, которое освещало конфликт с обеих сторон. Он приехал в Грозный в октябре, когда город уже был разрушен, но бои еще продолжались.

Стандартный набор военного корреспондента того времени: бронежилет, каска, блокнот и постоянное чувство страха, которое со временем превращается в рабочий инструмент. Антон жил в подвале гостиницы «Кавказ» вместе с десятком других журналистов. Спали на матрацах, ели консервы, пили чай из одного чайника. По ночам — обстрелы. Днем — вылазки на передовую.

Он писал о солдатах — восемнадцатилетних мальчишках, совсем зеленых для той мясорубки. О старухах, отказывавшихся уходить из домов. О детях, игравших в руинах. Однажды он увидел, как разминируют школу — сапер шел впереди, водя щупом перед собой, а за ним тянулась веревка, за которую держались трое. Внезапный хлопок — мина сработала в трех метрах. Сапера отбросило взрывной волной, он потерял сознание, но остался жив. Антон записал его рассказ и сделал репортаж, который потом перепечатали несколько изданий.

Там же, в Чечне, он потерял напарника — старого репортера Сергея Ильича, который учил его разбираться в людях. Сергей Ильич погиб в засаде на трассе Ростов — Баку. «Не зарывайся, — сказал он Антону за день до гибели. — В этой работе главное — вернуться». Антон вернулся. Но после того случая он стал осторожнее — не потому, что испугался, а потому, что понял: мертвый журналист никому не нужен.

После Чечни — работа в Москве, в крупном информационном агентстве. Антон специализировался на военных конфликтах, писал аналитические статьи о постсоветском пространстве. В его заметках не было политических заклинаний — только сухие цифры, анализ, сравнения. Он быстро завоевал репутацию надежного эксперта. Но ему не хватало драйва, который давали командировки.

2014 год. Сирия. Алеппо. Антон прилетел туда по заданию редакции — сделать серию материалов о жизни в осажденном городе. Там он встретил Софию.

Они познакомились в подвале гостиницы «Шахба», когда начался минометный обстрел. София сидела на корточках у стены, курила и читала книгу. Антон спустился в подвал позже всех, отряхивая пыль с куртки.

— Вы греческий журналист? — спросил он по-английски.

— София Лекка, «Элефтеротипия», — она протянула руку. — А вы, я смотрю, русский?

— Антон Ветров. Угадали — я москвич, но работаю на международное агентство.

— Впервые в Сирии?

— Уже второй раз. А вы?

— Третий. И каждый раз все хуже.

Они проговорили несколько часов — о войне, о журналистике, о том, как не сойти с ума, когда вокруг смерть. София оказалась жесткой, прямой, без тени той сентиментальности, которую Антон иногда замечал у коллег-женщин. Она не жаловалась на тяготы, не плакала по погибшим — просто делала свою работу, четко, профессионально, без лишнего пафоса.

Они подружились на почве профессионального уважения. Вместе выбирались на задания, вместе прятались от снайперов, вместе обрабатывали фотографии в единственной гостинице с электричеством. Однажды, после того как они чудом уцелели во время бомбежки рынка, Антон сказал: «Знаешь, я думал, что привык к войне. Но здесь — другое. Здесь нет фронта, нет линии. Ты можешь погибнуть в любой момент».

София посмотрела на него своими темными, чуть усталыми глазами.

— Привыкнуть к войне нельзя. Можно только научиться не бояться настолько, чтобы работать. Если ты боишься до паралича — уходи. Если боишься, но работаешь — оставайся.

Она улыбнулась — редкость в ее исполнении. Антон улыбнулся в ответ.

После той командировки они обменялись контактами и стали созваниваться раз в месяц — обсудить новости, поделиться слухами, просто услышать голос человека, который понимает тебя без лишних слов. Когда София вернулась из Ливана после гибели оператора Яниса и замкнулась в своей квартире, Антон бросил все и прилетел в Афины. Он не читал ей лекций о долге, не призывал вернуться к работе — просто сидел рядом, молчал, ждал. И дождался.

— Ты единственный, кто не пытался меня переделать, — сказала София, когда они вышли на прогулку по холму Филопаппу. — Спасибо.

— Меня не за что благодарить. Ты сильная. Тебе просто нужно было время.

Они остановились у смотровой площадки. Акрополь сиял в лучах заката. Внизу, в Афинах, зажигались огни.

— Антон, — сказала София. — А что ты думаешь о пророчествах?

— В смысле?

— Ну, о предсказаниях. О конце света. О войне.

Он пожал плечами.

— Я журналист. Я верю в факты. Пророчества — это не факты, это интерпретации. Но если они начинают сбываться — тогда я к ним присматриваюсь.

— Даже если сбываются странные, древние, из монастырей?

— Даже тогда.

Она кивнула, удовлетворенная ответом.

И когда она позвонила из Комотини и сказала: «У меня есть папка, и священника убили у меня на глазах», он не удивился. Он только спросил: «Ты где?»

И услышал: «Еду в Афины. А потом в Стамбул. Ты нужен».

Он был нужен. И он прилетел.

ГЛАВА 5

Город двух имен

Стамбул встретил Софию туманом.

Он спускался с холмов, тяжелый, молочный, пропитанный запахом Босфора — рыбы, водорослей, солянки. София вышла из аэропорта имени Сабихи Гекчен на азиатской стороне и замерла. Город жил своей обычной жизнью, не подозревая, что где-то в его недрах зреет катастрофа.

Она взяла такси до Таксима. Водитель, пожилой турок с усами, как у Ататюрка, всю дорогу рассказывал о футболе, о ценах на кебаб, о невестке, которая плохо готовит. София слушала вполуха, смотрела в окно. Мелькали районы: сначала бедные, с облезлыми многоэтажками и развешанным между ними бельем; потом — богатые, с виллами в стиле модерн, скрытыми за высокими заборами; потом снова бедные, но уже другие, с мечетями на каждом углу.

Стамбул — город-амфибия. Он дышит водой. Босфор прорезает его надвое, как ножом, и у этой раны никогда не заживают края — они пульсируют, истекают парами, танкерами, прогулочными катерами. София любила этот город, хотя и боялась его. Любила за запах — смесь шафрана, рыбы, выхлопных газов и жасмина, который почему-то рос здесь повсюду. Боялась за историю — слишком много крови пролилось на этих берегах, чтобы земля могла быть просто землей.

Таксист высадил ее на площади Таксим. Толпа — туристы, торговцы, студенты, нищие. Памятник Республике, окруженный флагами. Вдали — отель «Мармара», где она должна была встретиться с Ветровым. Но сначала — встреча в кафе «Две кошки».

Кафе находилось в переулке, метрах в трехстах от площади. Маленькое, грязноватое, с пластиковыми стульями и кофе, похожим на жидкий деготь. Зато хозяин, грек по происхождению, никогда не задавал лишних вопросов. София вошла. В зале было несколько посетителей — молодые люди с ноутбуками, старик, читающий газету. В углу, за столиком у окна, сидел Ветров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.